

(Продолжение, начало в номере за 21 октября)

ШКМ

Прошло лето 1931 года. Мы, подростки, во всем помогали взрослым в колхозе. Пахали пары, перевозили сено, заготавливали силос, скирдовали, а ночью пасли лошадей. Однажды к нам домой пришел мой учитель и сказал, что первого сентября я с Муртазиным и Ахтямовым поеду в школу крестьянской молодежи в Лямбирь. Не успели оглянуться, как настало время отъезда.

В нашем классе собрались учащиеся со всех окрестных татарских сел и деревень. Из нашего села было трое ребят.

Мы проучились одну неделю и, конечно, соскучились по дому. На выходной день собрались домой. Мой друг Ибрагим Муртазин стал складывать вещи в мешок. Я удивился этому, а он ответил, что везет все домой стирать. Я недоумевал: зачем же стирать одеяло и матрац? Только в пути он признался, что больше в школу не вернется. Он не умел писать правой рукой, а когда писал левой, девочки в классе поднимали его на смех. Вот он и не выдержал.

Я же учился с увлечением. Жили мы в общежитии. Вечерами садились за стол готовить уроки. Места занимали заранее, около керосиновых ламп. Одни читали, другие решали задачи по математике. Учащиеся шестых-седьмых классов иногда помогали нам с условием, что мы угостим их пирогами. Часто устраивали репетиции в одном из классов: разучивали пьесы, песни и пляски. Особенно нам нравилось ставить пьесы на сцене клуба села. Чаще всего ставили «Галия-бану», «Зангарь-шаль». Мы, пятиклассники, участвовали в массовых сценах или пели за кулисами, а уже в седьмом классе сами исполняли ответственные роли.

Когда я перешел в седьмой класс, мне поручили руководить драмкружком. Всем этим руководил тот или иной преподаватель. Учитель Каюм Иртуганов отвечал за подготовку пьесы, учитель физики и математики, отвечал за декламацию, учитель географии Габдулла Секаев – за музыкальное оформление, он был хорошим скрипачом. Спектакли ставили не реже одного раза в месяц, а концерты давали по праздникам или после ответственных мероприятий в районе.

Единственным источником культурной жизни села Лямбировь была наша школа. Кроме того, ученики помогали взрослым во время страды. Так, в начале каждого учебного года мы все собирали яблоки в совхозе «Коммунар». Этот совхоз образовался на базе помещичьего имения. Все постройки помещика были сохранены, имелся огромный сад, в основном, с антоновскими яблонями. Мы находились в совхозе по десять-двенадцать дней. Снимали яблоки с деревьев сами работники совхоза, а мы в корзинах носили на склад, где их упаковывали и отправляли в город. Совхоз был богат, на полях выращивались помидоры и огурцы. Здесь я полюбил помидоры. Ребята, с которыми я работал, с большим удовольствием ели незрелые помидоры и специально носили с собой соль и хлеб.

На другие работы в колхозе нас не привлекали, ибо в те годы рабочих рук хватало. Что еще запомнилось, как под руководством учителя родного языка Каюма Иртуганова организовывали литературный, драматический, атеистический и другие кружки. Проводились вечера вопросов и ответов. Помню, на одном из них по теме «Возникновение Вселенной» выступала преподаватель естествознания Чудина. Ученик седьмого класса Биккулов своим вопросом загнал ее в тупик, и сам же потом выступил с разъяснением. Этот парень был не по годам начитан, хорошо владел русским и татарским языками. Но в середине учебного года после каникул он в школу не вернулся, его исключили как сына кулака, как и Чумарина.

Комсомол

В декабре 1933 года ученики седьмого класса решили организовать комсомольскую ячейку. Самостоятельным путем приняли в члены ВЛКСМ человек десять, составили протокол и поехали с этими бумагами в Саранский райком комсомола. Нас было двое: я и Хусяин Кадеркаев – мы избрали его секретарем.

Пока мы оформляли необходимые бумаги, прошло несколько месяцев. И за это время было решено на базе всех татарских сел образовать Лямбирский район, куда входили и русские села. Дела начали вести на двух языках. Из Саранска наши бумаги переслали в Лямбировь, и я официально был принят в комсомол в мае 1934 года.

(Продолжение в следующем номере)